

Международный
системологический конгресс
тюркологов

**Материалы
конференций**

МАС-2022

Бахадур Таирбеков

**Империя –
точка бифуркации фрактала**

(стр. 105-112)

Ибрагим Асадли, Бахадур Таирбеков. **Империя – точка бифуркации фрактала. I**
Международный системологический конгресс тюркологов. Материалы конференций.
“Asiman”, Г., 2022, с. 298, ISBN 978-9952-8442-1-4, стр. 105-112.

Империя – точка бифуркации фрактала

Сразу оговорим: «империя» здесь ассоциируется не с императором, а с империализмом. Это и понятно – любой феодал, любой диктатор, для пущей пышности, в зависимости от самомнения, может назвать себя как угодно. Например, Властелином Космоса, или более скромно – обыкновенным императором (вспомните Кипрскую, Мексиканскую или Центрально-Африканскую империи). Суть от этого не меняется. Все равно он – король, царь, шах, султан. То есть монарх, феодал, в общем, просто ярлык территории, хотя физически возможно и деспот, диктатор.

Империализм – высшая стадия капитализма. Эти слова классика, думается, не должны вызывать возражений. А вот то, что империализм характеризуется слиянием финансового капитала с промышленным капиталом, сегодня требует особого внимания. Речь идёт о подчинении промышленного капитала банку, а не о равноправном слиянии. Банкир, направляя денежные средства на развитие того или иного промышленного производства, может ускорять или тормозить производство того или иного товара. То есть, регулировать рынок. Что при империализме он и делает.

В данном исследовании нас не интересует происхождение главного имперского товара – денег. Должно быть всем давно понятно, что финансовый капитал может быть накоплен мошенничеством, торговлей, воровством, пиратством, грабежом и прочими вариантами отсроченного во времени людоедства. Кто-то может все эти способы или часть из них считать аморальными, кто-то законными, но сути это не меняет – в результате создаётся регулируемый товарный (не финансовый!) рынок.

Любая регуляция – это управление. Всякий объект (неважно управляется ли он системно по вертикали либо несистемной внешней средой извне) – это

система. Если этот объект естественный, то есть возникший в результате локализованного развития природы или общества, то различим на восьми связанных между собой уровнях организации материи.

Для империи как системы эти уровни следующие (в порядке уменьшения уровневой сложности):

(+1) уровень внешней среды – среды взаимодействия империй;

(0) уровень самой системы – границы империи;

(-1) уровень системообразующих элементов – центральный банк, производственные комплексы; сырьевые территории, потребительские рынки;

(-2) уровень функциональной рефлексии системы – внешнеполитический и внешнеторговый аппараты метрополии, колониальные администрации, правительства протекторатов, государств-сателлитов и т.п.;

(-3) уровень регуляции внутрисистемного взаимодействия – аппарат поддержки гражданского неравенства;

(-4) уровень каналов функционирования – сеть этнических, социальных, конфессиональных, профессиональных и пр. элит;

(-5) уровень информационных потоков стабилизации системы – формирование морально-нравственных устоев имперского общества;

(-6) уровень предела различимости системы (вакуум уровень) – выбор степени индивидуального конформизма.

Более подробно. Империя – замкнутое множество производственных комплексов, каждый из которых имеет стоимость в рамках правил, установленных центральным управляющим элементом – центральным банком метрополии. Кто владеет центральным банком, тот и император. Где расположен центральный банк, там и метрополия. Правила для всех элементов едины – это единая валюта империи, как единственная расчётная единица объёма товарного рынка империи. При этом каждая империя имеет свою валютную зону. Каждый элемент из множества производственных комплексов имеет выраженную в деньгах стоимость только в пределах своей имперской валютной зоны.

Взаимодействие империй – это война валют. Валюта должна быть конвертируема, то есть в любой момент обменена на золото. Золото при империализме – единый стандарт расчёта. Хотя это и условный эквивалент – наследие феодального прошлого, вместо золота могло быть использовано что-либо другое, достаточно редкое, труднодоступное, ну и блестящее, наверно.

Траектория развития империи – распространение возможно большего количества своей валюты, то есть насильственная продажа своей валюты за свою валюту, чтобы получить как можно больше своей валюты. Для достижения этого есть множество способов. Нет смысла перечислять их все, но некоторые из них, важные для дальнейшего изложения, следует отметить.

Во-первых, заставить какое-нибудь «слабое» государство взять кредит (естественно, на максимально кабальных условиях), чтобы превратить его в своего сателлита. Во-вторых, оказать безвозмездную помощь, то есть дать необходимое оборудование или товары с возвратом денег «когда-нибудь», но при этом запчасти, комплектующие, а ещё лучше – сырьё, продавать в кредит (кабальный, разумеется). В-третьих, продавать, как можно дороже и как можно больше, товаров своих, подвластных империи производителей, обеспечивая их конкурентоспособность дешёвой рабочей силой и сырьём. В четвёртых, не допустить к сырью, дешевой рабочей силе чужой валюты и, тем более, продажу товаров потребителю за чужую валюту. Иначе говоря, создать свой рынок и постоянно расширять его, протекционистски ограждая от других империй. То есть обрастить метрополию зависимыми от нее территориями, постепенно превращая их в колонии. Империя – колониальная система. Это обязательно.

Внутренняя структура империи характеризуется жёсткой иерархией и строится на механизме поддержки социального неравенства. Существующее и при капитализме разделение населения на эксплуататоров, обладающих частной собственностью на средства производства, и эксплуатируемых, создающих своим трудом прибавочную стоимость, присвоенную капиталистом, при империализме приобретает особый характер. Характер вседозволенности чиновников, беспредельно эксплуатирующих имперский государственный

аппарат на основе финансового ранжирования частной собственности на средства производства не по производительности или, скажем, рентабельности, а по «благонадёжности» капиталиста. То есть на самом верху социальной лестницы не владелец завода, а тот, в чьих руках власть и над размещением этого завода, и диктат над его владельцем – оценщик стоимости завода. Причём оценка производится так, как вздумается оценщику. Это – идеальная ситуация для взращивания коррупции и других каналов «негосударственных» доходов для укрепления власти императора. Другими словами, для укрепления имперской валюты.

Однако перевод режима эксплуатации населения полностью на коррупционные рельсы требует канала управления отличного от канала прямого взаимодействия эксплуататора и эксплуатируемого в рамках капиталистических производственных отношений. То есть ещё одного расслоения общества, выделения из массы эксплуатируемых посредников-переговорщиков, элит. Эти элиты могут быть колониальными, например, лидерами этнических или религиозных меньшинств удалённых территорий, производственными, например, профсоюзными лидерами, партийными, профессиональными и пр. Их функция – быть прокладкой, прослойкой, «за тридцать серебрянников» предотвратить прямой контакт между бесправным большинством и имперским полноправием. Но, чтобы элиты могли выполнять свои функции, требуется ещё один общественный слой.

Этот слой отвечает за нравственность. Точнее за воспитание в русле имперской морали. Его можно назвать интеллигенцией. Интеллигенция объясняет и показывает как за лояльность и внедрение лояльности в сознание бесправных масс вместо куска сухого хлеба с водой получить бутерброд может учитель, врач, священнослужитель, журналист, артист, другие пропагандисты, а также кадровые военные, полицейские, государственные научные работники, юристы и т.п.

Самую нижнюю ступень социальной лестницы занимает бесправный люд, имеющий множество обязанностей: ...работать «за кусок хлеба»,

размножаться и растить себе подобных, быть пушечным мясом во славу имперской родины или что ещё хуже – колониальным ничтожеством для «процветания» метрополии. Но, значимее всего то, что он под нравственным воздействием интеллигенции в зависимости от степени своего конформизма будет во всеуслышание или чуть тише клеймить позором тех, кто, борясь за свободу, не согласен быть раболепным холопом, как он. То есть формируется социальное расслоение уже не по вертикали, а раскол по горизонтали.

Раскол по горизонтали – это точка бифуркации фрактала, определяющего траекторию развития систем одного и того же уровня организации материи. В точке бифуркации происходит элементарная катастрофа Тома, часть систем отделяется от «генеральной» траектории развития и получает новую фрактальную траекторию. Жизнеспособна такая бифуркация только на восьмом, самом нижнем (по сложности) уровне организации системы. Если точка бифуркации возникает (а она возникает!) на других уровнях, то это – просто тупиковая ветвь. Таким образом, на империалистическом уровне организации материи происходит окончательное разделение человечества на две части: покорных и свободолюбивых.

Первоначально граница раскола в точке бифуркации довольно расплывчата. Свободолюбивые бесправные люди бунтуют, борются за свои, казалось бы, права. Трудящиеся – за право на жизнь и труд. Феминисты – за права женщин. Взрослые – за права детей. И т.д. Борются, отыскивая и используя малейшие недочёты и слабины имперского бесправия. Но так только кажется. За этой борьбой пессимистически открыто, но с тайной надеждой наблюдают конформисты. Эта борьба вкупе с империалистическими войнами за передел мира преобразуют уровень империалистической среды в системный уровень транснациональных корпораций. Тем самым создаётся новая среда – уровень территориально-культурных социально-экономических пространств. Права человека получают конформисты. Эти права регламентируют их поведение для ограничения их же свободы.

Как в известном анекдоте:

- У меня есть право!

- Есть.

- Значит, я могу...

- Не можете. Вы не конформист.

- Я – конформист. Теперь я могу...

- Опять не можете. Права человека ограничивают конформистам свободу их использования.

То есть на уровне системы транснациональных корпораций человек как компонент системы уже не существует. Здесь на вакуум уровне системы – семья. Причём, необязательно разнополая, мало того, необязательно состоящая только из людей, и уж точно без деторождения как главенствующей функции. На следующем уровне системы – формирующемся в наше время уровне территориально-культурных пространств и даже таких форм семьи тоже не будет. Впрочем, об этом уже говорилось на пленарном заседании конгресса.

Обе траектории развития после точки бифуркации имеют равную значимость и если одна в результате какой-либо техногенной или физической катастрофы погибнет, то прекратит своё существование и другая.

Первая приводит к главенству искусственного интеллекта над миром конформистов и изменения его компонентов так, как посчитает оптимальным умная машина.

Вторая ведет к появлению сетей связанных между собой независимых научно-производственных творческих коллективов свободлюбивых людей.

Вот некоторые характеристики таких коллективов:

1. Общественная собственность на средства производства. Не частная и не коллективная собственность. То есть средства производства каждого коллектива принадлежат не кому-нибудь в коллективе или извне, не коллективу, который их использует, а всей сети коллективов в целом.

2. Связи между коллективами осуществляются путём безвозмездного обмена научно-исследовательской и научно-технической информацией, а также другими продуктами своего творчества.

3. Сеть не имеет централизованного управления. То есть каждый коллектив в сети имеет доступ к использованию всей информации всех коллективов сети.

4. Коллектив состоит из единомышленников. А это значит, что все члены коллектива имеют общую цель, сходные бытовые условия, общаются на одном языке.

5. Каждый коллектив, используя информацию сети, занимается своим жизнеобеспечением самостоятельно.

6. Взаимодействие сети с другой сетью коллективов осуществляется путём добровольного делегирования обязанностей, а не полномочий.

7. Искусственный интеллект поставляет каждому коллективу сети, требуемые ему материалы и инструменты в обмен на доступ к результатам исследований сети.

Изложенные в этих семи пунктах – необходимые параметры. Но вовсе не означает, что они достаточные. Хотя бы потому, что научно-производственные коллективы (вообще-то правильнее называть их общинами или коммунами) имеют размеры от 16 до 153 членов обоего пола и разных возрастов. А культурно-территориальные пространства устойчивы при объединении в них не менее 290 миллионов (но не более 485 миллионов) человек. То есть минимум примерно 2 миллиона коллективов в одной культурно-пространственной сети. При всей сходности структуры, это само по себе подразумевает огромное творческое разнообразие. А если добавить, что таких культурно-территориальных сетей может быть до 81, то разнообразие творческих возможностей и результатов творчества становится невообразимым.

Примерно так в результате фрактальной бифуркации согласно естественному ходу развития природы и общества сформируются культурно-территориальные пространства. В их число, скорее всего, войдёт и тюркское.